

Агрохолдинг — великий и ужасный?¹

Рецензия на книгу: Узун В. Я., Шагайда Н. И., Гатаулина Е. А., Шишкина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. — 344 с. ISBN 978-5-85006-446-4

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-2-166-181

Как это ни удивительно, но многие наши иностранные коллеги — сельские социологи/географы/экономисты — приезжая в Россию («исторически крестьянскую страну»), стремятся за пределы крупных городов, чтобы увидеть стереотипического «русского крестьянина»², хотя и допускают, что живет нынешнее крестьянство не в избах, а в благоустроенных домах, ездит не на лошадах, а на тракторах и т. д. В случае с бразильскими и китайскими исследователями такие ожидания оправданы тем, что возникают по аналогии: в обеих странах крестьяне сохранились в почти³ классическом смысле слова — как особая социально-экономическая и социально-демографическая группа, в значительной степени ведущая традиционный крестьянский образ жизни (пусть и оснащенный современными технологическими новшествами). Посещая сельские территории России, зарубежные аграрные исследователи с сожалением констатируют, что столь же массовым, сколь в начале XX века в России было крестьянство (в том числе как основа товарного, коммерческого сельскохозяйственного производства),

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС
 2. См., напр.: *Казарезов В.* (2012). Крестьяне в произведениях русских писателей. М.: Достоинство.
 3. Почти, потому что говорить о крестьянстве как особом социальном классе с собственным жизненным укладом, отличным от городских служащих и промышленных рабочих, сегодня нельзя.

сегодня стали крупные сельскохозяйственные производители, которых российские исследователи склонны называть обобщенным словом «агрохолдинги».

Хотя в российском обществоведении продолжают дискуссии о количественных и качественных характеристиках сельского хозяйства и образа жизни с учетом современных реалий, регионального своеобразия страны и ее многоукладности даже на локальном уровне, споры о том, сохранилось ли крестьянство в современном российском обществе, не ведутся⁴, потому что крестьянский образ жизни встречается крайне редко (в отличие от, например, Польши или Румынии) и, как правило, носит искусственный, восстановленный характер⁵ (типа экопоселений или родовых поместий⁶). В основном обескураживаются причины фатальной (судя по вековой истории) неуспешности сельскохозяйственной кооперации (в общероссийских масштабах), а также предпосылки, факторы, перспективы и опасности укрупнения агрохолдингов (прежде всего в контексте продовольственной безопасности).

С одной стороны, концентрация капитала и власти в руках небольшого числа игроков сельскохозяйственного рынка, пусть под контролем и даже при протекционизме государства, — глобальная тенденция, характерная для многих стран мира⁷. В развитых странах превалирует промышленная модель сельского хозяйства, и она продолжает экспортироваться в развивающиеся/беднейшие страны,

И. В. Троцук

Агрохолдинг —

великий

и ужасный?

4. См., напр.: Крестьянство в странах Восточной Европы, 1990–2010 гг. (2013) / Отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН; *Троцук И. В.* (2015). Правомерно ли говорить о крестьянстве в современной Восточной Европе? // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4. С. 173–180; *Троцук И. В.* (2018). Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 155–179, и др.
5. В западной литературе этот феномен получил название окрестьянивания — это локальный, регионально дифференцированный процесс, последовавший за противоположным, массовым и глобальным раскрестьяниванием.
6. См., напр.: От родовых поместий до дальневосточного гектара: нетривиальные вопросы государственного и муниципального управления (2021). М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; *Троцук И. В.* (2022). Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // Крестьяноведение. Т. 7. № 1. С. 220–238.
7. См., напр.: *Bernstein H.* (2013). Class Dynamics of Agrarian Change, Halifax: Fernwood Publishing; *Clapp J.* (2016). Food. Cambridge: Polity Press; *Clapp J., Fuchs D.* (Eds.) (2009). Corporate Power in Global Agrifood Governance. Cambridge: MIT Press; *Clapp J., Isakson S. R.* (2018). Speculative Harvests: Financialization, Food, and Agriculture. Halifax: Fernwood Publishing; *Hauter W.* (2012). Foodopoly: The Battle over the Future of Food and Farming in America. N. Y.: The New Press; *Howard P.* (2016). Concentration and Power in the Food System. L.: Bloomsbury; *McMichael P.* (2013). Food Regimes and Agrarian Questions, Halifax: Fernwood Publishing, и др.

несмотря на очевидные для них негативные последствия⁸ (можно ли говорить о едином западном пути капиталистической трансформации — другой вопрос). Индустриализация превращает сельское хозяйство в крупный, вертикально интегрированный, высокотехнологичный и капиталоемкий агробизнес (по сути, совокупность агроферм/холдингов), встроенный в международную торговлю и глобальные рынки⁹, т. е. агропромышленная (агрохолдинговая) система социально и политически институционализована¹⁰.

С другой стороны, если словосочетания «промышленное сельское хозяйство» и «агропромышленная система» считаются само собой разумеющимися, то слово «агрохолдинг» до сих пор вызывает споры. Во-первых, о содержании понятия и критериях идентификации агрохолдингов (скажем, чем они принципиально отличаются от крупных сельскохозяйственных производителей), из чего следует во-вторых — сколько и каких агрохолдингов работает в России и насколько они доминируют в сельском хозяйстве страны. Книга «Холдингизация агробизнеса России» предлагает стратегию поиска ответов на оба вопроса, в ходе применения которой формируется экономико-статистическое описание масштабов и «качества» российской агрохолдингизации.

Книгу я рецензировала в первоначальном варианте с несколько иным названием — речь шла о «холдингизации агропромышленного комплекса». Центр агропродовольственной политики регулярно публикует работы, где на основе скрупулезного экономического анализа «препарирует» предпосылки, процессы и результаты российского аграрного реформирования. Эти работы неизменно отличаются сочетанием эконометрических расчетов с концептуальными

-
8. См., напр.: *Kumar S.* (2022). *Dilapidation of the Rural: Development, Politics, and Farmer Suicides in India*, Palgrave Macmillan; *Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V.* (2018). *Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table*. Lanham: Lexington Books; *Wise T. A.* (2019). *Eating Tomorrow: Agribusiness, Family Farmers, and the Battle for the Future of Food*. N. Y.: The New Press, и др.
 9. См. подробнее в: *Wegren C., Троцук И. В.* (2020). Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // *Экономическая социология*. Т. 21. № 5. С. 12–38; *Epshtein D., Hahlbrock K., Wandel J.* (2019). Why are agroholdings so pervasive in Russia's Belgorod oblast? Evidence from case studies and farm-level data // *Post-Communist Economies*. Vol. 25. No. 1. P. 59–81, и др.
 10. См., напр.: *Барсукова С. Ю.* (2016). Новый российский капитализм: институционализация коррупции // *Россия и современный мир*. № 4. С. 21–39; *Барсукова С. Ю.* (2017). Аграрная политика России // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 31–45; *Шик О. В., Янбых Р. Г., Серова Е. В.* (2020). Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 2. С. 145–167; *Крылатых Э. Н., Белова Т. Н.* (2018). Экспорт российского зерна в контексте формирования региональной экономической политики // *Экономика региона*. Т. 14. № 3. С. 778–790, и др.

поисками и отказом смотреть в прошлое, используя только общепринятые методические подходы. Авторы стремятся объяснить как явные, так и неочевидные последствия происходящих в российской экономике процессов, прослеживают влияние прошлых решений на нынешние реалии и намечают возможные сценарии развития российского аграрного сектора и сельских территорий в краткосрочной и иных перспективах, опираясь на собственные методики и делая выводы практического характера.

Уже в первоначальном варианте книга не стала исключением из этого формата: в ней ставилась сложная (учитывая темпы роста аграрного сектора, его экспортные достижения и уровень продовольственной безопасности, внутриотраслевую конкуренцию и пр.) задача подытожить результаты холдингизации в российском сельском хозяйстве на основе доступных статистических данных, уточнив тот категориальный аппарат, который используется в научном и медийном дискурсах как само собой разумеющийся, прежде всего понятие «агрохолдинг». Авторы рассматривали холдингизацию российского агробизнеса не как уникальный «кейс», а проводя сопоставления с аналогичными процессами в странах СНГ, ЕС и США, где также распространены интегрированные агрогруппы и продовольственные гиганты.

В ситуации, когда почти ежедневно публикуются все новые российские и зарубежные материалы об агрохолдингах как о чем-то объективно очевидном, главное достоинство книги и в ее первоначальном варианте, и в значительно доработанной итоговой версии состоит в том, что авторы предлагают читателю путеводитель, а не словарь-справочник с окончательными ответами на все возможные вопросы об агрохолдингах. В первоначальной версии книга была небольшой, но и в итоговой расширенной версии авторы не претендуют на полный и всесторонне-детальный охват российской агрохолдингизации, предпочитая сформулировать все принципиальные для нее вопросы (многие из них до сих пор игнорируются исследователями и управленцами), дать на них максимально полные на текущий момент ответы, наметить пути их дальнейшей проработки, отметить существующие в данном предметном поле объективные ограничения (законодательные нестыковки, неполные и/или недоступные статистические данные, фрагментарный характер исследований, отсутствие необходимых методик и др.) и предложить пути уточнения/адаптации/модификации используемых дефиниций и расчетов.

Книга имеет продуманную и убедительную даже для критиков «теории агрохолдингов» структуру. В первой главе систематизированы подходы к определению агрохолдингов как одного из способов организации крупного агробизнеса с учетом предпосылок их распространения. Во второй главе представлены результаты экономико-статистического анализа хода и итогов российской агрохолдингизации на основе авторской методики. В третьей главе

дана оценка вклада агрохолдингов в производство сельскохозяйственной продукции в отраслевом и региональном, национально-продовольственном и экспортном «измерениях», и акцент сделан на системообразующих агрохолдингах (типы, кредитоспособность, государственная поддержка и т. д.). В четвертой главе приведены показатели экономической/коммерческой эффективности агрохолдингов и независимых сельскохозяйственных организаций (динамика земельных площадей, производительность труда, концентрация и отдача капитала и др.), в том числе с учетом государственной поддержки первых. Пятая глава подытоживает десятилетия российской агрохолдингизации с точки зрения ее социально-экономических, социально-политических, экологических и эпидемиологических последствий (вытеснение малого бизнеса; сокращение численности, занятости и доходов сельского населения и др.).

Вряд ли имеет смысл конспективно излагать содержание каждой главы книги, поэтому попробуем реконструировать ее логику и аргументацию. Авторы рассматривают холдингизацию российского агробизнеса в контексте (а) темпов роста сельского хозяйства, превышающего темпы роста экономики в целом; (б) превращения страны в одного из крупнейших мировых экспортеров продовольствия; (в) добившегося и высокого продовольственного суверенитета; (г) в том числе за счет государственной поддержки крупномасштабного агропродовольственного производства; (д) что нельзя считать уникальной для России ситуацией ни с точки зрения ее объективных условий и факторов, ни с точки зрения ее фрагментарного законодательного регулирования и научного изучения.

Авторы начинают книгу с поиска надежных эмпирических индикаторов агрохолдинга: «огромные землевладения» в качестве критерия причисления крупномасштабной сельскохозяйственной организации к агрохолдингам они отвергают, поскольку это возможный, но не обязательный критерий — крупноземельность могут заменять интеграция и координация компаний. В значительной степени это объясняется проведенной в России земельной реформой — она запустила процессы приватизации, деколлективизации и разгосударствления в таком формате, который не сдерживал концентрацию всех видов ресурсов у ограниченного числа компаний/собственников, стремящихся к холдингизации как инструменту снижения транзакционных издержек и налогов, повышения устойчивости и использования «эффекта масштаба».

Необходимость поиска четких эмпирических индикаторов агрохолдинга объясняется в книге, как и многие другие сложные вопросы, точно и лаконично: «Система сбора информации не позволяет выделять сельскохозяйственный бизнес собственника как систему дочерних компаний, а представляет каждую его часть — организацию — как отдельный бизнес. В результате создается ложное представление об аграрной структуре, где действуют якобы только независимые производители — сельскохозяйственные организации,

фермеры. Исходя из этой картины, строится и аграрная политика поддержки сельхозпроизводителей: государство поддерживает отдельное юридическое лицо, но не отслеживает уровень консолидации поддержки ни у отдельных бизнесменов — владельцев целой сети сельскохозяйственных организаций, ни у холдинговых структур. Это создает... особые условия для развития крупного бизнеса и выдавливания малого, что отрицательно сказывается на достижении целей, которые ставит перед собой государство в части роста доходов сельского населения и развития сельских территорий» (с. 18). По сути, государство берет на себя повышенные обязательства по финансовой поддержке и сохранению огромных частных агрохолдингов, поскольку «эффект масштаба» может быть и негативным — банкротство столь крупных структур может ударить не только по региону, но и по экономике страны в целом. Соответственно, корректная «идентификация» агрохолдингов для мониторинга их количества и «качества» имеет не только методическое, но и управленческое значение. Кстати, в этом отношении Россия схожа со странами из обеих выделяемых сегодня частей «мир-системы» — Глобального Севера (надежные данные о консолидированном/высококонцентрированном сельском хозяйстве отсутствуют в США и ЕС) и Глобального Юга (в Аргентине также множатся холдинговые организации, но преимущественно на основе контрактации).

По результатам систематизации существующих трактовок и статистических данных авторы предлагают следующее определение агрохолдинга (конкретное, но с оговорками, подразумевающими многообразие реальных хозяйственных практик, видов управления и контрактных отношений): «Форма организации, как правило, крупного агробизнеса, группа компаний, где головная компания/физическое лицо (с солидарной и субсидиарной ответственностью) осуществляет прямо или косвенно управление сельскохозяйственными, перерабатывающими, обслуживающими и другими организациями на основе контрольного пакета акций/долей участия, либо в соответствии с заключенными между ними договорами, либо иным образом», т. е. «члены группы могут быть горизонтально и (или) вертикально интегрированы, и... хотя бы одна компания занимается сельским хозяйством» (с. 34–35). Все приведенные и подразумеваемые здесь пункты авторы подробно разъясняют, как, например, «алгоритм вычисления косвенных вкладов».

Акцент в определении агрохолдинга сделан на крупномасштабности как цели, а не результате, т. е. холдингизация рассматривается в первую очередь как средство увеличения масштабов бизнеса, поэтому все прочие характеристики агрохолдингов (площадь земель, выручка от реализации продукции, количество структурных элементов, тип деятельности головной компании, территориальная концентрация филиалов, тип интеграции подразделений и т. д.) выступают если не второстепенными, то менее значимыми индикато-

рами холдингизации. Предложенное определение можно было бы покритиковать за некоторую размытость (скажем, за зыбкие границы с «мегафермами» и «кооперацией снизу»), однако весь последующий объемный текст наглядно показывает преимущества столь «мягкой» дефиниции для понимания происходящего в российском (и не только) агропромышленном комплексе как в научно-методических, так и в практико-управленческих целях.

Более того, «мягкость» определения обуславливает его относительную универсальность для (сопоставительной) оценки ситуации в разных странах, где холдингизация агробизнеса имела как общие предпосылки (увеличение масштаба для сокращения рисков банкротства и транзакционных издержек, повышения управляемости, оптимизации налогообложения, получения субсидий), так и специфические особенности (различия законодательной базы, исторически сложившейся аграрной, земельной и управленческой структуры), т. е. по одним характеристикам холдингизация в российском агропромышленном комплексе может быть вполне постсоветской, а по другим — американской (как северной — фермерско-контрактной, так и южной — латифундистской). «Предпосылками создания агрохолдингов в России и постсоветских странах являются как объективные экономические причины, общие для всех стран, стимулирующие организацию крупного бизнеса в вертикально и (или) горизонтально интегрированные цепочки, так и специфика исторического развития России, аграрная политика органов власти, наличие обширных и дешевых земельных ресурсов — базы развития крупного сельскохозяйственного производства» (с. 102).

Сформулировав определение агрохолдингов, авторы переходят к методике их «идентификации и классификации» на основе первичных данных об учредителях, производственных показателях сельхозорганизаций за 2006 и 2016 годы и базы Росрегистра о собственниках организаций агробизнеса. Было выявлено 1063 агрохолдинга (3204 сельхозорганизации), предложена модель их классификации и описание каждого типа. Для идентификации и классификации агрохолдингов авторы были вынуждены преодолеть несколько препятствий: недостаток и/или недоступность официальных (надежных и подтвержденных) данных; недостаток и/или тематические смещения научных источников (описания отдельных крупнейших агрохолдингов, регионов или федеральных округов как уникальных кейсов); ограничения общепринятых методик определения структуры агрохолдингов (самоотчеты организаций, монографические обследования, структура уставного капитала); противоречия рейтингов крупнейших (агро)холдингов; многопрофильность организаций, входящих в большинство холдингов и др. В обобщенном виде авторская методика идентификации агрохолдингов включает в себя следующие этапы (с. 110–111): определение учредителей по базам данных сельхозорганизаций; их группировка; проверка наличия предприятий агропромышленного профиля; составление списка аг-

рохолдингов и входящих в них организаций; аналитическая работа (сопоставление эффективности холдинговых и независимых хозяйств, уровня холдингизации регионов и т. д.).

Следующим шагом стала классификация выявленных агрохолдингов. Авторы приводят вполне исчерпывающий список ее оснований, отмечая, что выбор конкретного основания зависит от цели исследования, но предложенный набор позволяет «охарактеризовать такое явление, как российские агрохолдинги» (с. 113):

- по форме собственности — государственные (федеральные, региональные, муниципальные) и частные: первые доминировали по числу, объему ресурсов и выпуску продукции до 2016 года; вторые более эффективны;

- по юрисдикции головной компании — под контролем российских или иностранных лиц: последние также признаются российскими производителями, обеспечивающими продовольственную безопасность страны, поэтому получают значительную долю государственных субсидий; в среднем иностранные агрохолдинги крупнее по всем показателям;

- по категории конечного бенефициара/собственника — физическое или юридическое лицо;

- по степени интеграции — преимущественно горизонтальные (более 70% выручки получают от реализации продукции/работ/услуг одной отрасли) и преимущественно вертикальные (все остальные): в каждом типе могут присутствовать элементы другого типа интеграции;

- по специализации — специализированные (получают более 50% выручки от реализации одного продукта) и неспециализированные/многоотраслевые (доминировали до 2016 года);

- по размеру дохода от предпринимательской деятельности сельхозорганизаций — малые (до 800 млн рублей), средние (до 2 млрд) и крупные: большинство агрохолдингов малые, но на 3% сельхозорганизаций, входящих в крупные агрохолдинги, приходится около 37% реализованной сельскохозяйственной продукции страны (с. 125).

Идентифицировав, классифицировав и охарактеризовав представленность разных типов агрохолдингов в России, авторы переходят к оценке их роли в сельском хозяйстве — в производстве продукции в целом и важнейших ее видов, в отдельных подотраслях и в региональном измерении, чтобы охарактеризовать влияние агрохолдингов на развитие сельских территорий, национальную продовольственную безопасность и экспортный потенциал страны. Авторы делают несколько убедительных выводов, «меняющих сложившиеся представления об аграрной структуре России» (с. 127–128): растет доля агрохолдингов в секторе сельхозорганизаций (в значительной степени в выручке, прибыли и государственной поддержке, в меньшей степени — в площади сельхозугодий и трудовых ресурсах); увеличивается разрыв в размерах независи-

И. В. Троцук

Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

мых сельхозорганизаций и агрохолдингов; уровень рентабельности товарной продукции у независимых организаций все еще выше, чем у агрохолдингов; кардинально изменилось соотношение показателей в расчете на агрохолдинг и независимую сельхозорганизацию (после 2016 года все показатели агрохолдингов стали значительно выше); стабилизировалась дифференциация агрохолдингов и независимых сельхозорганизаций по видам продукции (агрохолдинги производят большую часть свинины, мяса птицы и сахарной свеклы, но крайне незначительную часть овощей, картофеля, говядины, молока, зерна, подсолнечника и яиц).

По уровню холдингизации (доле агрохолдингов в валовой продукции всех сельхозорганизаций) авторы выделили четыре группы субъектов Российской Федерации (с. 133): (1) с долей более 60%, (2) 40–60%, (3) 20–40%, (4) все остальные; и количество субъектов с высоким уровнем холдингизации (группы 1–2) постоянно растет за счет сокращения групп 3–4, причем преимущественно в 1-й группе. Однако авторы подчеркивают, подтверждая это статистическими данными, что «система агрохолдингов очень динамична: в ней идут активные процессы слияния и разделения, смены собственников, состава сельскохозяйственных и других входящих в холдинг организаций. Система агрохолдингов неустойчива, что неизбежно в условиях ее быстрого роста и стремления приспособиться к меняющимся условиям ведения бизнеса» (с. 134).

Успешно апробировав свою методику выявления агрохолдингов, авторы переходят к их отраслевой и территориальной характеристике. В первом случае общая картина зависит от критерия сопоставления отраслей: по количеству лидируют зерновые и молочные агрохолдинги; по числу входящих в них сельхозорганизаций и работников, доле в активах и выручке — птицеводческие и свиноводческие; наиболее прибыльные — зерновые (с. 135). Значительно сложнее типологизировать аграрные структуры субъектов и административных районов. Опираясь на традиционное разделение аграрных структур на корпоративные (50% валовой продукции производится в сельхозорганизациях), смешанные (30–50%) и семейные (до 30%), авторы меняют критерии отнесения к ним субъектов, исходя из объективной социально-экономической ситуации. Так, корпоративный тип — регионы, где доля сельхозорганизаций в валовой продукции равна или превышает 55%, семейный — где доля хозяйств населения и крестьянско-фермерских хозяйств превышает 55%, смешанный — все остальные (доли корпоративных и семейных хозяйств колеблются от 45 до 55%). Кроме того, «для учета резкого возрастания роли агрохолдингов в сельскохозяйственном производстве... в первом типе выделен агрохолдинговый подтип (входящие в агрохолдинги компании производят не менее 25% валовой продукции сельского хозяйства), во втором типе... — фермерский подтип (фермеры производят не менее 25% валовой

продукции сельского хозяйства и доля фермеров выше доли сельхозорганизаций)» (с. 139).

На основе своей типологии авторы обнаруживают «в 31 субъекте Российской Федерации корпоративный тип аграрной структуры, в том числе в 24 — агрохолдинговый подтип (Белгородская, Брянская, Тамбовская, Липецкая и Курская области, Краснодарский и Ставропольский края, Псковская область с частными агрохолдингами, Республика Коми и Чукотская автономная область — с государственными); в 36 субъектах... — семейный тип аграрной структуры, в том числе в 6 — фермерский подтип (республики Калмыкия, Алтай, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Магаданская и Астраханская области); и значительный сдвиг в сторону корпоративной аграрной структуры (выросло число регионов с таким типом и их доля в валовой продукции сельского хозяйства страны)» (с. 142). «Различия между группами субъектов по аграрной структуре предопределены природными условиями, обеспеченностью землей, этнографическими факторами, эффективностью корпоративных хозяйств, региональной аграрной политикой» (с. 143).

Столь широкое распространение агрохолдингов авторы оценивают предельно взвешенно. Действительно, «холдинги обеспечили страну сахаром, мясом птицы и свининой», однако «по всем другим продуктам [даже с учетом масштабной государственной поддержки] их вклад не выше вклада фермеров (зерно, масличные) или значительно меньше (картофель, овощи), а также вклада населения (картофель, овощи)». Более того, «с позиции институциональных изменений следует отметить негативную черту перераспределения производства продукции между хозяйствами населения, сельхозорганизациями, не входящими и входящими в холдинги, а также фермерами», например, «вытеснение производства свинины из хозяйств населения прошло насильственно» (с. 148). С одной стороны, государство сосредоточило свою финансовую поддержку на агрохолдингах, обеспечив рост производства продуктов питания и импортозамещение; с другой стороны, статус страны как крупного продовольственного экспортера (зерновых, прежде всего пшеницы, масличных и подсолнечного масла) обеспечивается «в большей мере самостоятельными сельхозорганизациями и фермерами, а не агрохолдингами» (с. 153). С одной стороны, «эффект масштаба» в агропромышленном комплексе упрощает для государства функции контроля; с другой стороны, в «периоды экономических кризисов возрастает угроза банкротства крупных сельскохозяйственных, перерабатывающих и других организаций агропромышленного комплекса, а банкротство даже отдельных крупнейших производителей угрожает обеспечению продовольственной безопасности в стране как из-за снижения объемов поставок, так и за счет разрывов в цепочках платежей («эффект домино»)» (с. 155).

Чтобы избежать таких рисков, российское правительство выделяет группу системообразующих агрохолдингов и разрабатыва-

И. В. Троцук
Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

ет специальные меры для их поддержки в критических ситуациях: в 2008–2009 годы в этот список вошли 34 компании, в основном головные организации агрохолдингов (с. 155–156), в 2020-м список был обновлен, и в нем осталась только половина прежних компаний (другие были ликвидированы, поглощены или обанкрочены), т. е. «костяк агропромышленного комплекса» не продемонстрировал требуемой от него устойчивости (с. 158). Представленный на сайте Министерства сельского хозяйства перечень системообразующих предприятий включает 96 организаций, из них 17 — агрофирмы (средняя выручка — 21,7 млрд рублей, численность занятых — 2,3 тысячи), 79 — преимущественно вертикально интегрированные агрохолдинги (выручка — 54,6 млрд, работников — 6,2 тысячи), объединяющие 1189 системообразующих организаций (в среднем по 15 организаций с 412 работниками и 3,6 млрд рублей выручки на агрохолдинг) (с. 160).

Несмотря на позитивный факт самого наличия подобного списка (для приоритетной государственной поддержки в кризисной ситуации), авторы справедливо отмечают проблемы в его составлении: непонимание различий реальных и скрытых агрохолдингов, что нарушает критерии отнесения к системообразующей организации; включение агрохолдингов как принципиально важных для регионального производства, так и не имеющих для него важного значения (например, в силу межрегиональных связей на рынке молочной продукции); лоббизм (включение организации в перечень для защиты не рынка, а владельцев бизнеса, т. е. «под патронаж государства попадают бизнесы состоятельных собственников») и т. д. Авторы полагают, что «включать в системообразующие организации целый холдинг вряд ли целесообразно» (с. 163), и в целом «выбор системообразующих организаций... требует переосмысления, начиная от цели выделения и заканчивая перечнем мер и обязанностей, которые будет брать на себя государство для поддержки этих предприятий... а в условиях экономического кризиса целесообразно обсудить применение мер, которые бы в равной степени поддержали каждого сельхозпроизводителя» (с. 164).

Завершив обзор типологии агрохолдингов детальным рассмотрением показательных для российских реалий примеров, авторы переходят к оценке экономической эффективности агрохолдингов в сопоставлении с независимыми сельхозорганизациями по следующим критериям:

— Динамика земельных площадей — наблюдается постепенная концентрация земли в агрохолдингах и перераспределение собственности на землю внутри них; возрастает площадь сельхозугодий под контролем иностранных агрохолдингов (с. 190).

— Использование земли — традиционные показатели не всегда говорят о лучшем землепользовании (например, повышение уровня распаханности может свидетельствовать о чрезмерной распашке, т. е. о разбазаривании земли), поэтому авторы сочетают нега-

тивные показатели — доля неиспользуемой пашни и сельхозугодий (различия по типам агрохолдингов незначительны; агрохолдинги под контролем юридических лиц намного интенсивнее используют сельхозугодья), с позитивными — выручка от реализации продукции растениеводства на 100 га посевов и рентабельность товарной продукции растениеводства (последняя выше у агрохолдингов под контролем иностранных юридических лиц).

— Трудовые ресурсы — стоимость товарной продукции на одного занятого в агрохолдингах выше, чем в независимых сельхозорганизациях, поскольку «в агрохолдинги за прошедшее десятилетие были вложены значительные средства, многие из них были отстроены заново, оснащены новым оборудованием, элитным скотом и семенами» (с. 198).

— Концентрация и отдача капитала — «наибольший структурный положительный сдвиг по активам сельхозорганизаций наблюдается в агрохолдингах под контролем иностранных юридических лиц, отрицательный — в независимых организациях... в холдинговых сельхозорганизациях доля основных средств выше, чем в холдинговых, что связано с особенностями оформления бизнеса, когда имущество может быть зарегистрировано на компании, которые не являются сельхозпроизводителями (для минимизации рисков отъема собственности или издержек при залоге/продаже имущества)» (с. 204); «в результате разной политики и разного доступа к кредитам... собственные средства не являются основным источником капитала в агрохолдингах» (с. 206).

— Концентрация производства — наибольшая рентабельность наблюдается у агрохолдингов иностранных юридических лиц, а максимальный прирост рентабельности — у агрохолдингов российских юридических лиц; различия в темпах роста фондовооруженности между холдинговыми и независимыми сельхозорганизациями незначительны.

Общий вывод авторов: «Несмотря на более высокую отдачу по отдельным ресурсам, уровень рентабельности продаж и всех активов в агрохолдингах, как и в крупных независимых агрофирмах, существенно ниже, чем в средних, малых и микросельхозорганизациях, причем наблюдается четкая закономерность снижения этих показателей по мере роста размеров хозяйств по активам и выручке... По мере снижения размеров хозяйств растет рентабельность и продаж, и активов. Кроме того, малый бизнес в большей мере, чем крупный, инвестирует собственные средства, а крупный ориентируется в большей мере на заемные средства, в первую очередь кредиты» (с. 217). «Крупные агрохолдинговые сельхозорганизации более эффективны по сравнению с крупнейшими независимыми, но уступают по эффективности средним, малым и микро» (с. 219).

И это несмотря на то, что субсидии и другие формы государственной поддержки в последние десятилетия концентрировались в агрохолдингах, причем практически без характерных для запад-

ных стран ограничений максимального размера субсидий (по срокам или получателям). «Такая аграрная политика государства способствовала созданию эксклюзивных конкурентных преимуществ для отдельных крупных компаний, концентрации у них огромных площадей земли, ускоренному вытеснению с аграрного рынка среднего и малого бизнеса. Во всем мире в сельском хозяйстве малый бизнес имеет приоритетное развитие благодаря... господдержке. Крупный бизнес, не получающий такой поддержки, вынужден работать по контрактам с малым бизнесом, способствует его развитию, опирается на него, а не разоряет. Сетевая организация агробизнеса способствует его диверсификации, решению экологических проблем, быстрому наращиванию доли отдельных компаний на рынке конечной продукции» (с. 220). Авторы приводят в качестве примера распределение субсидий по сельхозорганизациям за 2015 год и предлагают изменить правила их предоставления, подробно и убедительно объясняя преимущества своих поправок: объективные основания, гарантированное получение, упрощение доступа к господдержке, сокращение временных и кадровых затрат на оформление документов, снижение коррупционной составляющей в расходовании бюджетных средств и т. д.

Завершает книгу обзор последствий холдингизации агробизнеса: несмотря на очевидный экономический эффект (рост производства продукции за счет масштаба и господдержки), российский вариант аграрной холдингизации повышает социальные, экологические и эпидемиологические риски, особенно для сельских территорий. К первой группе негативных последствий — социально-экономических — авторы относят:

— Вытеснение малого бизнеса из сельскохозяйственного производства, в том числе по причине низкой доступности кредитов (с. 244–247) — «холдингизация сопровождается снижением роли малого сельскохозяйственного бизнеса в кредитовании и господдержке... он теряет возможности расширения, проигрывает в конкуренции с крупным бизнесом и вынужден уходить с рынка» (с. 250).

— Сокращение численности и занятости сельского населения — «агрохолдинги модернизируют весь технологический процесс... что ведет к резкому снижению численности занятых; создавая новые высокотехнологичные рабочие места, агрохолдинги высвобождают часть занятых; повышая конкурентоспособность своей продукции, вытесняя малый бизнес, вынуждая фермеров, малые и микро-сельхозорганизации ликвидировать хозяйства, передавать в аренду свою землю, превращают их глав и членов семей в наемных работников, как правило, вынужденных покинуть село» (с. 253). «Для развивающихся стран сокращение доли занятых в сельском хозяйстве — типичное явление, рассматриваемое как прогрессивное [по крайней мере для стран Глобального Юга]. Но... только если высвободившаяся рабочая сила находит применение в других отраслях, где ее производительность выше... Если же высвобожден-

ная рабочая сила переходит в хозяйства населения, где производительность... меньше, это приводит к существенному падению доходов сельского населения и росту уровня бедности на селе» (с. 254). Для оценки влияния агрохолдингов на жизнь села предлагается использовать разрыв между уровнем бедности сельского и городского населения: сокращение разрыва говорит о положительном влиянии агрохолдингов на доходы сельского населения, возрастание — об отрицательном. В частности, холдингизация способствует резкому повышению доли собственников в добавленной стоимости, т. е. снижению доли работников и государства, а это «одна из причин роста бедности сельского населения при росте объемов производства и доходности сельхозорганизаций» (с. 259).

— Увеличение потерь при банкротстве крупных агрохолдингов — значительные риски для продовольственной безопасности объясняются снижением объемов производства и доходов сельхозпроизводителей на фоне роста расходов государства и затрат потребителей на покупку продовольствия (с. 266), что показано на примере банкротства крупного агрохолдинга, которое «существенно ухудшило финансовые результаты всей отрасли» (с. 279). Авторы формулируют «рекомендации по снижению рисков холдингизации агробизнеса»: организация сельскохозяйственного производства с опорой на малый бизнес (рассредоточение); симбиоз крупного агропромышленного и малого сельскохозяйственного бизнеса (кооперация и контрактация) при поддержке государства; создание агрохолдингов «снизу» — по мере накопления капитала и активов; оценка эффективности агрохолдингов с учетом обанкротившихся компаний (с. 283–285) и др. Авторы не считают свой «перечень мер по снижению рисков холдингизации агробизнеса универсальным и обязательным для применения в пакете — каждый агрохолдинг может выработать свой набор мер по предотвращению банкротства» (с. 285).

К второй группе негативных последствий холдингизации авторы относят экологические и эпидемиологические риски, обусловленные следующими ее особенностями (с. 286–293): концентрированные дозы удобрений и химических средств защиты растений; высокая концентрация животных в отдельных хозяйствах и районах, т. е. превышение допустимых доз навоза, азота и фосфора в расчете на 1 га; загрязнение крупными животноводческими комплексами воды и воздуха; снижение качества продукции, в том числе за счет использования антибиотиков в животноводстве; высокие потери от эпидемий на мегафермах и др. «Государство признает экологическую опасность крупных животноводческих комплексов, но одновременно направляет основную часть государственных средств на поддержку их функционирования, строительство таких же или еще более крупных комплексов. Альтернативные варианты развития птицеводства и свиноводства не получают государственной поддержки и фактически тормозятся» (с. 294).

Третий тип негативных последствий холдингизации — социально-политические, наиболее очевидные и потому оказывающиеся в центре общественных споров: фермеры и сельские жители протестуют против экологического вреда, захвата земель¹¹, политического лоббизма и приоритетной государственной поддержки мегаферм как увеличивающих сельскую безработицу и обезземеливание.

Книга не содержит популистских лозунгов, а констатирует необходимость учитывать позитивный мировой опыт, например, преимущества контрактных форм организации крупного бизнеса перед российско-специфичными — ниже риски всех перечисленных выше типов, больше возможностей для роста производства и, значит, для сельского и аграрного развития (с. 302). В Заключении сформулированы вполне обоснованные (но пока слабо реализуемые) предложения по корректировке российской аграрной политики в контексте холдингизации (с. 308–311): совершенствование аграрного, налогового и земельного законодательства в соответствии с нынешними «холдинговыми» реалиями; преимущественная поддержка малого, а не крупного сельскохозяйственного бизнеса (ограничения на право получения и размер совокупных субсидий для крупнейших производителей); встраивание малого бизнеса в продовольственные цепочки крупных компаний (поддержка контрактных агрохолдингов), в том числе «выращивание» национальных продовольственных гигантов на этой основе; регулирование распределения доходов (добавленной стоимости) между собственниками и работниками агробизнеса и др.

Безусловно, авторы ставят перед собой сложнейшие задачи, которые по определению не могут быть окончательно решены в рамках одной книги, несмотря на разработанные методики и практические рекомендации. В книге поставлены правильные вопросы и прочерчены пути поиска ответов на них, проиллюстрированные убедительными примерами: авторы не просто представляют свои расчеты и выводы, но и уточняют, какие существуют базы данных, насколько они отражают реальное положение дел, как следует отбирать показатели, почему нужно осторожно относиться к имеющейся информации и напрашивающимся выводам. Читатели могут опираться на этот «фундамент», продолжая изучение российских агрохолдингов, возможно, дискутируя с авторами относительно их версии аграрной структуры России, но однозначно признавая правомерность их аналитической «оптики» — выявление неочевидных проблем, казалось бы, правильных экономиче-

11. См., напр.: *Форбруг А.* (2018). Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России // *Крестьяноведение*. Т. 3. № 3. С. 19–47; *Форбруг А.* (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // *Крестьяноведение*. Т. 5. № 1. С. 31–52.

ских решений в ходе общероссийского и регионального «картографирования» аграрного производства сквозь призму холдингизации.

Соответственно, высказывать в адрес книги критические замечания некорректно, можно лишь отметить некоторые особенности авторского изложения. Например, историческая часть (содержание и компоненты постсоветских реформ) несколько разбросана по главам, а в систематическом обзоре негативных последствий холдингизации лишь вскользь упомянута коррупционная составляющая, хотя взаимовыгодное «слияние» руководства мощного агрохолдинга с региональной властью — проблема весьма распространенная.

Книга предлагает читателю широкомасштабный, систематизированный и оценочно-взвешенный обзор понятийного поля, объективных реалий и контрастирующих интерпретаций факторов, результатов и последствий российской агрохолдингизации, который легко и интересно читается благодаря насыщенности иллюстративным материалом. Другое несомненное достоинство книги — самкритичность ее авторов: они не только тщательно проработали замечания многочисленного пула рецензентов, но и признают ограничения своих решений, например, слабые стороны своей методики идентификации агрохолдингов. Безусловно, многие положения книги дискуссионны, но это неизбежная особенность описания тех противоречий, когда прекраснодушные бумажные декларации не совпадают с объективными чертами российской агрохолдингизации.

И. В. Троцук

Агрохолдинг —
великий
и ужасный?

Agroholding — great and terrible?¹²

Review of the book: Uzun V.Ya., Shagaida N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022). *Holdings in the Russian Agricultural Business*. Moscow: RANEPА's Publishing House "Delo". — 344 p. ISBN 978-5-85006-446-4

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Department, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

12. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.